

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-4.2-94-115

УДК 165

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Герасимова Ирина Алексеевна,

*доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник Института философии РАН,
Россия, 109240, Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1
ORCID: 0000-0003-4656-3100
home_gera@mail.ru*

Миляков Владимир Владимирович,

*доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник Института философии РАН,
Россия, 109240, Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1
ORCID: 0000-0001-7383-4447
dr_milkov@mail.ru*

Аннотация

Скептическое отношение к интеллектуальной истории Древней Руси (XI–XVII вв.) с начала XVIII в. было заложено в кругах просветителей, ориентировавшихся на каноны новоевропейской философии и исключавших саму возможность такой истории. Эта точка зрения имеет сторонников и в наши дни. Введение в научный оборот и исследование текстовых источников и артефактов показало обоснованность такой категоричной точки зрения. В статье проблема древнерусской интеллектуальной истории обсуждается в контексте современных представлений о рациональности и ее исторических типах. Предлагается системная модель рациональных практик, в которой принимаются во внимание результаты исследований археологов, историков, филологов, историков науки и философов.

Актуализация областей точных, естественно-научных и технических знаний в древнерусский период определялась запросами повседневности. Ритуал требовал вычисления дат переходящих праздников, что стимулировало развитие математико-хронологических работ и астрономических наблюдений. Сложность расчетных текстов компутистов позволяет сделать вывод о высоком уровне точности этих работ и атмосфере соревновательности.

В освоение логической методологии внесли вклад переводные тексты Изборника 1073 г., «Диалектики» Иоанна Дамаскина, работ Андрея Курбского, «Логики» Аль-Газали, пособия по логике Моисея Маймонида. Древнерусскими интеллектуалами логический инструментарий использовался для дискутирования теологических и светских проблем.

О глубоком усвоении средневековых естественно-научных знаний свидетельствуют русские сборники, в которых отражены сведения о физических явлениях в земной, водной и воздушной сферах. Медицину и врачевание в реалиях Древней Руси относят к сокровенному знанию, в недрах которого развивались интеллектуальные тенденции. На основании различного решения проблемы соотношения души и тела медицинские практики и относящиеся к ним тексты можно дифференцировать по направлениям: теотерапия (духовная помощь и целительство), народное врачевание (натуропатия, психотерапия) и природосообразная медицина (гиппократова традиция). Текст «Галеново на Гиппократе» и его литературный конвой свидетельствуют о развитии ятроматематических знаний, в основе которых лежит принцип антропокосмического тождества и представления о качественной природе времени.

Анализ проводимой светской властью христианизации ставит вопрос о русском опыте политического рационализма. Важнейшей областью гуманитарного творчества была деятельность по переводу христианской литературы, в ходе которой шло формирование отвлеченных понятий и логико-вербальных форм мышления. В связи с усилением современного внимания к когнитивным практикам несомненный интерес представляет отечественное наследие осмысления духовного опыта в мудром слове. Принципы информационно-коммуникационных технологий можно сопоставить с учением о саморазвивающейся пространственной мысли в «Палее Толковой».

Ключевые слова: рациональность, Древняя Русь, хронология, логика, природа, политика, этика, перевод, природа человека.

Библиографическое описание для цитирования

Герасимова И.А., Мильков В.В. Рациональность в культуре Древней Руси // Идеи и идеалы. – 2018. – № 4, т. 2. – С. 94–115. – doi: . 10.17212/2075-0862-2018-4.2-94-115.

В начале XVIII столетия в кругах русских просветителей, группировавшихся вокруг Феофана Прокоповича и ориентировавшихся на стандарты европейской философии Нового времени, сформировалось крайне негативное отношение к древнерусскому духовному и интеллектуальному наследию. В наиболее резкой форме его выразил последователь Прокоповича – Гавриил Бужинский, который исключал саму возможность даже минимальных проблесков философской и научной мысли в Древней Руси (XI–XVII вв.) [15, с. 1]. Развивавшие идеи просветительства и секуляризации мыслители не обнаруживали в Древней Руси явлений, отвечавших критериям европейской философии. Среди скептиков последующих лет оказались такие авторитетные имена, как П.Я. Чаадаев и Г.Г. Шпет. Мыслители послепетровской поры исключали из истории русской философии духовное наследие семи столетий как чуждое рационализму. Но благодаря трудам многочисленных исследователей различных направлений стало ясно, что такая категорическая оценка была преждевременной и несправедливой [2, 3, 6, 11, 23–25].

Назревает потребность в пересмотре оценок качества древнерусской рациональности с учетом изменения отношения эпистемологов и методологов к самому понятию рациональности, которое претерпевало исторические трансформации [10]. Такой подход исключает интерполяцию современного взгляда на прошлое и позволяет выделять и описывать различные исторические типы рациональности. После фундаментальных работ Канта прояснился вопрос о несовпадении понятий рассудочной (логико-методологической) и разумной рациональности. Понятие разумной рациональности предполагает выдвижение критериев концептуальных систем и разных форм деятельности, включая в рассмотрение интеллектуальную интуицию и творческое воображение, выводит за пределы исключительно техник рассуждения. В XXI в. с выходом на цивилизационную арену Востока и закреплением в интеллектуальных дискурсах неевропейских моделей ментальности встает вопрос о новых критериях рациональности. Сопрягая тенденции релятивизма (плюрализма) и универсализма, рациональность приобретает парадоксальные по сравнению с традиционным пониманием черты [10]. Учитывая новые тенденции в дискуссиях о рациональности, в данной работе предпринята попытка наметить направления исследования феномена рациональности в Древней Руси.

Математико-хронологические вычисления. Феномен Кирика Новгородца. После принятия христианства шло активное освоение христианской культуры, а через нее и элементов античного наследия. Запросы ритуала вынуждали развивать специальные области знаний. Пасхальный ритуал, центральный в обрядовой годовой жизни христианина, стимулировал развитие хронологических вычислений и связанных с ними астрономических наблюдений.

Крупнейшим представителем древнерусской научной мысли был Кирик Новгородец (1110 – ок. 1056/58), перу которого принадлежит календарно-математический трактат «Учение, им же ведати человеку числа всех лет» (в историографии фигурирует как «Учение о числах»). В краткой и емкой форме в нем суммированы теоретические принципы календарных вычислений, которые иллюстрируются конкретными расчетами длительности времени в разных измерениях, как в календарных, так и в астрономических величинах. В разделе о дробном делении часа ученый оперирует как очень большими (до десятков миллионов), так и очень малыми дробными величинами (до $1/5 \cdot 10^7$). Деление в этих пределах и прочие исчисления, как установил Р.А. Симонов, Кирик производил на пятеричном счетном инструменте типа абак [8, с. 107–150]. Недавно установлено прикладное значение минимального отрезка времени, зафиксированного в «Учении о числах» и равного 46 миллисекундам [12]. Это соответствует длительности звучания, воспринимаемого на

слух, что для Кирика как регента монастырского хора имело значение. Разные типы календарных расчетов в «Учении» коррелируют с разными способами летоисчисления, которые применялись в разных культурах, а умение согласовывать солнечный календарь с лунным связано с ритуальной потребностью установления точного времени Пасхи. В самом трактате ни библейских цитат, ни богословских рассуждений нет. Установлен лишь хронологический репер от начала мира, где расчеты ведутся от Адама, т. е. сотворения человека. Внутри линейного времени исследуются разнообразные циклы (солнечный, лунный, индиктион), включая и циклы обновления космических стихий (небесный, земной, морской, водный круги). Понятие о периодичности обновления природных сфер, которые со стороны качеств можно сблизить с первоначалами мироздания (четверницей стихий), является чистой теоретической абстракцией, так как эмпирически наблюдать подобные процессы невозможно. Объектом исследования Кирика были выбраны ритмы мироздания, при этом всесторонне прорабатывалась категория времени. Методологию древнерусского ученого-мыслителя можно сближать с пифагореизмом, согласно которому всё выражается и познается числом [8].

Кирик Новгородец обладал высокой научной квалификацией и как математик не ошибался в сложнейших вычислениях. С полным правом ученого мыслителя можно назвать «статистиком мироздания».

На фоне повседневного умения производить элементарные арифметические операции, относящиеся к торговле и налогам, кроме «Учения о числах» в древнерусском книжном наследии известно еще несколько сложных расчетных текстов. Математически-цифровая основа Пасхальной азбуки была доступна для понимания профессионально подготовленных компутистов, способных производить операции деления с числами больших величин. В XIII в. эти расчеты в Византии были сведены в табличную форму т. н. метода «малого года», позволявшего упрощенно снимать показания о лунном и солнечном кругах для определения Пасхи. В конце XIV в. эти таблицы, оформленные в виде рук трехтабличного календарного комплекса, содержавшие данные о солнечных эпахтах и пасхальных полнолуниях, появились на Руси. Однако показания их, рассчитанные для XIII столетия, устарели. Чтобы пользоваться ими, нужно было вводить поправочные коэффициенты. Уже на русской почве в потерявшие актуальность таблицы были внесены дополнения, позволявшие делать поправку на любую дату любого столетия. Подобные операции, по мнению ученых, были возможны только при умении делить четырехзначные величины на двузначные. Древнерусские «числолюбцы» не только осуществили эти расчеты, но дополнили таблицу на их основании. Внесенные дополнения позволяли упрощенно, в устной

форме находить искомую дату. Осуществленная модернизация сделала таблицы доступными людям, обладавшим навыками обыденного счета. Универсальную доработку таблиц смогли осуществить профессионалы, обладавшие высокой математически-цифровой подготовкой и календарно-астрономическими знаниями уровня высшей школы Византии. Такие продвинутые специалисты на Руси в XIV в. имелись, только в отличие от Кирика имен этих ученых-компютистов мы не знаем. После усовершенствования трехтабличного комплекса им продолжали пользоваться на протяжении последующих нескольких столетий [12].

Показателем высоких интеллектуальных возможностей пытливых до знаний книжников является появление в кругу чтения «Шестокрыла», переведенного с еврейского в конце XV в. учеными, которые вошли в историю под именем жидовствующих [2, с. 634–651]. Текст, написанный еврейским математиком Иммануилом бен Яковом Бонфисом в XIV столетии, представляет собой руководство по осуществлению астрономических расчетов. С их помощью можно было узнать сроки лунных и солнечных затмений, определить лунные фазы и время новолуния для любого из месяцев года. Правила трактовки небесной механики построены на соединении геометрических приемов с расчетно-математическими. Для получения результатов таблично предлагалось определить положение светил в градусной сетке на угловых характеристиках зодиакального круга, а затем по календарной сетке перевести астрономические показания во временные и путем пошаговых математических действий получить искомый результат. О том, что жидовствующие, которых церковь считала еретиками, широко использовали «Шестокрыл» для предсказаний небесных явлений, есть прямые указания обличителя жидовствующих – Геннадия, который сетовал на то, что «Шестокрил они себе изучив, да тем прелщают христианство, мня, яко с небесе знамение сводят» [5, с. 319]. Архиепископа волновало, что глубокие календарно-математические познания его оппоненты применяют в целях предсказаний. Становление математического, прогностического моделирования встречало сопротивление со стороны иерархов, хотя календарно-астрономические вычисления по близким методикам осуществлялись для ритуальных нужд церкви.

Логико-методологическая рациональность. Апологетика и полемика. Вошедшее в научный обиход понятие рациональности формировалось в средневековой теологической культуре: считалось, что догматы веры принимаются без рассуждений, а экзегеза строится на их основе по законам логики. Самый ранний пример освоения логической методологии в древнерусской книжности и применения ее к задачам апологетики – это логико-философские главы из Изборника 1073 г. В них изложено христианизированное учение Аристотеля о категориях (сущность, сущее, приро-

да, ипостась, род, вид). Логические правила и категории применены для четкого и верного выражения базовых понятий христианства.

Беспрецедентным для древнерусской книжности является распространение с рубежа XII–XIII столетий списков «Диалектики» Иоанна Дамаскина [17, 18, 29], переведенной на славянский язык еще Иоанном экзархом Болгарским в X в. Общий тираж этого произведения в копиях превышает 200 рукописей и сопоставим с рукописными тиражами христианской классики. Логика в его понимании является важнейшим инструментом для правильного выбора мнений при столкновении суждений. Рассматриваемые Дамаскиным категории – сущность, ипостась и неделимое – чаще всего использовались в древнерусских рукописях для точной передачи формулировок о единственности и триипостасности Бога, например, в сборнике естественно-научного и космологического содержания ГИМ, Син. № 951 (л. 219б – 220б). Данный текст можно считать рецепцией русского автора, применившего строгие логические правила к суждениям о тринитарности. В других сюжетах на той же категориальной основе формулировалась идея, что никто, кроме Бога, не может быть вечным и бестелесным. Логическим результатом таких построений была древнерусская ангелология, в которой обосновывалась тонкоматериальная сущность ангелов, их сотворенность и вечность только по благодати Божьей. В рукописи РГБ, Юд. № 2 (XV в.) воспроизводится последняя, 67-я глава «Диалектики», где имеется сюжет о сочетании стихий, на основе которых происходят превращения в материальной сфере, вплоть до распада. Описание и трактовка процессов дается в соответствующих им понятиях: возникновение – изменение по сущности при переходе из небытия в бытие; увеличение – изменение путем укрупнения; перемещение – изменение места; время – мера изменений (л. 304а – 304б).

Вершиной рукописного бытования «Диалектики» на Руси была творческая переработка этого произведения Андреем Курбским (ок. 1528 – ок. 1583). Он осуществил перевод полной версии «Диалектики» (работал в 1575–1577 гг.), которая была напечатана в 1586 г. Курбский дополнил корпус логических текстов Дамаскина своим переводом работы ученика Лютера Иоанна Спангенберга «О силлогизме». В этом тексте показано отличие силлогизма от софизма, охарактеризована энтимема («охромелый силлогизм» по Курбскому). Предлагается собственная авторская система понятий, которым не во всем имелись соответствия в языке. Свой перевод Курбский снабдил «Сказанием о логике», «Сказанием о древе Порфирия» и послесловием, где изложил собственное понимание логики как инструмента познания. Курбский считал, что созданные его усилиями правила доказательств полезны будут в спорах с иноверцами (католиками и протестантами). Теория не расходилась с практикой – он обращался к силлогистике для обосно-

вания собственных политических взглядов в «Истории о великом князе Московском». Логические аргументы воплощались в четкости и последовательности аргументации при ведении полемики с Иваном Грозным.

В конце XV в. подборки логических работ Аристотеля приходят со стороны Западной Европы. Целый ряд текстов, особенностью которых является их перевод с еврейского языка, фигурирует в кругу чтения еретиков-жидовствующих. Корпус этой специфической книжности составляют несколько логических трактатов, которые были распространены в среде еврейских интеллектуалов. В них постулируется изучение математики, геометрии, астрономии и умение пользоваться логическими приемами, которые служат доказательству истины.

Под названием «Логика Ависафа» в русском переводе появились разделы «Логики» и «Метафизики» из трактата «Стремления философов» Аль-Газали (1059–1111). В «Логике» Аль-Газали излагались постулаты логической науки: представления об источниках знания, учение о терминах (включая их классификацию), характеристика типов предикации (близкая Порфирию), принципы умозаключения и правила доказательств. В тексте сформулированы шесть условий, которые необходимо соблюдать во избежание формальных противоречий.

К «Логике Ависафа» примыкает текст, озаглавленный «Книга, глаголемая логика». Это пособие по логике Моисея Маймонида (Моше бен Маймуна) (1135/38–1204), которое создавалось под влиянием «Логики Ависафа». В «Логике» Маймонида также встречаются заимствования из «Метафизики» Аль-Газали. Общий для обоих произведений ареал логических терминов охватывает 150 понятий, подробное разъяснение которых базируется на единой со схоластической философией европейцев и арабов логической семантике [13, 26–28]. Как еретики применяли логический инструментарий на практике – нам не известно. Оригинальных работ, за исключением «Лаодикийского послания», не сохранилось, но известно, что еретики проявляли интерес к астрономическим, математическим, медицинским и филологическим штудиям. В содержании «Логики Ависафа» еретиков могли интересовать положения, которые не соответствовали ортодоксии. Например, постулат о том, что всё живое – телесно, давал повод для сомнений в существовании бестелесных живых существ – ангелов.

Естественно-научная рациональность. Природа и человек. О глубоко усвоении общеевропейского для христианской эпохи пласта естественно-научных знаний свидетельствуют русские сборники, состоящие из природоведческих сюжетов. Наиболее яркий пример – рукопись XV в., составленная из статей естественно-научного и космологического содержания (ГИМ, Син. № 951). В рукописи было суммировано всё, что было известно в древнерусской книжности о физических явлениях, которые

можно наблюдать в земной, водной и воздушной сферах. Землетрясение в этой подборке объясняется подземными бурями, которые не могут вырваться наружу (л. 284б – 285а), что близко мнению Аристотеля о перемещении водно-воздушной смеси по подземным пустотам (Метеорология 365b – 366a). Происхождение термальных вод трактуется с учетом воздействия на подземные водные источники соседствующих с ними огненных подземных жил. Моря и связь их с Мировым океаном описываются географически скрупулезно. С точки зрения физических законов дается объяснение грому и молнии как следствию удара туч, подобного удару кремня о кресало (л. 290б – 291б). Близкую трактовку предлагал Анаксагор, который появление молнии считал следствием трения облаков, сопровождавшегося шумом [16, с. 506]. Научная трактовка расходилась с типичной для средневекового сознания увязкой подобных явлений с действием духовных сил – ангелов стихий (громных и дождевых – л. 293б – 294а). Интересен пассаж, объясняющий запаздывание звука грома более быстрым действием зрительного ощущения по сравнению со слуховым (л. 293а). Падение звезд в этом сборнике объявляется мнимым, ибо за таковое, согласно автору, принимается движение к земле искр небесного огня, которые, не долетев до земли, сгорают в воздухе (л. 291б). Почти дословно данное объяснение соответствует Анаксагору, который считал, что падающие звезды представляют собой искры, сорвавшиеся с огненно-эфирного небосклона [Там же, с. 506, 516].

Перечисленные сюжеты характеризуют безымянного древнерусского составителя сборника как человека непредвзятых взглядов, который сопоставлял разные подходы к объяснению одних и тех же природных процессов. Он расширял возможности рациональной оценки явлений, не проверяемых эмпирически и трактуемых на уровне столкновения гипотез. В Древней Руси, например, огромной популярностью пользовалась концепция плоскостно-комарного устройства мироздания. Сам составитель однозначно отдает предпочтение геоцентризму и связанным с ним трактовкам. Целый ряд его природоведческих статей заимствован из трактата ученика Иоанна Итала – Евстратия Никейского (1050 – ок. 1120), осужденного на Соборе 1080 г. Считается, что помимо этого существовал еще анонимный учебник по естествознанию, куда составной частью вошел трактат Евстратия. Кроме того, автор дополнял свою подборку извлечениями из древнерусских трудов, заимствованиями из переводов экзегетов (Иоанна Дамаскина, Василия Великого, из «Шестоднева» Иоанна экзарха Болгарского). Многие из его источников содержат сведения из «Физиики» и «Метеорологики» Аристотеля, которые транслировались в контексте экзегезы.

В рассматриваемой подборке некоторые сюжеты восходят к «Палее Толковой», созданной древнерусским автором-составителем на осно-

ве работ византийских богословов и апокрифического материала еще в домонгольскую эпоху [9]. «Палею Толковую» с полным основанием можно считать энциклопедией средневекового знания. В ней содержатся сведения по космологии, астрономии, физике, геологии, минералогии, ботанике, географии, истории, физиологии, анатомии, антропологии.

Медицина и врачевание. Медицину и врачевание в реалиях Древней Руси относят к сокровенному знанию, приверженцы которого занимали хоть и не официальную, но достаточно заметную нишу интеллектуальной жизни. Отношение к врачеванию определялось решением психофизической проблемы, которая на языке эпохи формулировалась как проблема соотношения души и тела.

На основе различных антропологических установок медицинские практики и относящиеся к ним тексты можно дифференцировать по направлениям: теотерапия, народная медицина, природосообразная медицина. Ориентация на «вечную, инобытийную жизнь» определяла аскетические установки так называемой теотерапии. Болезнь и страдания понимались как средства врачевания души ради спасения человека. Основу теотерапии составляла вера в Бога и в духовную помощь святых и молитвенников, а со стороны людей – милосердие и заботливый уход. В теотерапии достигает высот духовный аспект оздоровления. Даже в случае неблагоприятного исхода при таком врачевании теотерапия оказывает духовную помощь при переходе в иной мир [12].

Натуропатическое врачевание, будь то античная медицина («языческая») или народное целительство, представители ортодоксальных церковных кругов относили к разряду «магии» и «чудодейства», к сподвижничеству бесовских сил (Киево-Печерский патерик; житие святого целителя Пантелеимона и др.). Гармонизацию душевной и телесной природ человека постулировали представители христианизированного платонизма (например, автор «Диоптры» Филипп Пустынный), которые исходили из представлений о нерасторжимом единстве души и тела в земном бытии, сближении «временного и вечного» [Там же, с. 21–72].

Народные врачевательные практики следовали архаической мировоззренческой установке, которую можно охарактеризовать как «вечное в настоящем». Внутренняя (психическая) и внешняя (физическая) стороны жизни не разделялись в синкретичном миропонимании. Эвристическую ценность имеют психологические аспекты целительства и прежде всего понимание действенности силы слова и мысли. Из этнографических источников известно, что существовал, например, запрет на употребление слова «болезнь», дабы не повредить человеку. Любое действие врачевателя – человека знающего – предполагало духовный аспект, проникновен-

ное понимание единства человека и природы, включая и невидимый, но от того не менее реальный мир успешных предков.

Средневековую медицину, продолжавшую традицию грека Гиппократа и римского врача и ученого Галена, практиковали прибывавшие на Русь врачи-иноземцы. Методологически гиппократовская медицина отличается от естественно-научной парадигмы Нового времени и от высокотехнологичной медицины современности. Аналогичной методой пользовались и русские грамотники, о чем свидетельствует распространение медицинских текстов в древнерусской книжности. Наиболее полно природосообразные установки и медико-гигиенические рекомендации представлены в апокрифе «Галеново на Гиппократа», а также в его литературном конвое в древнерусских сборниках. Текст «Галеново на Гиппократа» имеет непосредственную связь с астромедицинской книжностью XIV–XVI вв. [Там же, с. 377–397]. В историю науки врачебная астрология вошла под названием ятроматематики (от греч. *iatros* – «врач»). Ее существенным компонентом являлась расчетная прогностика, позволявшая устанавливать благоприятные сроки проведения медицинских процедур в зависимости от космоприродных ритмов. В природосообразной медицине человек и окружающая среда рассматривались как единый организм, что выражалось в принципе антропокосмического тождества (соответствия) – единства микрокосма (человека) и макрокосма (Вселенной). Выстраивавшиеся на этой основе теоретические схемы определяли методику диагностики и приемы воздействия. Согласно принципу соответствия, любые акты врачевания должны учитывать благоприятные космоприродные моменты, когда человеческий организм и природа ритмически со-настроены. В устроении ритмики жизненного порядка современный человек ориентируется на искусственное, механическое время. В рассматриваемый период сохранялось восприятие времени, которое отражало состояние окружающей среды. Год, сезон, неделя, дневные и ночные часы различались качественными характеристиками состояний природы. Восстановление естественных регуляторов здоровья путем профилактики, гигиены и диеты мыслилось с учетом резонанса с природными ритмами. В современных реалиях сходных методологических установок придерживается такое направление исследований и практических рекомендаций, как биоритмология.

В ряде центров культурной жизни, например, в Антониевом монастыре в Великом Новгороде, в котором подвизался Кирик Новгородец, успешно сочетали духовное целительство, ятроматематику и натуропатические виды лечения [6, ч. 3, с. 111–129].

Элементы рациональности в политических практиках. Этика и политика. В понятие рациональности входят не только рассуждения (умственные действия), но и любые действия практического характера – со-

циальные или индивидуальные. Политическая рациональность предполагает разумность в принятии решений и разумность в реализации политических действий. С учетом того, как фундаментально, продуманно и идейно обоснованно христианизация осуществлялась, можно ставить вопрос о русском опыте политического рационализма. Известно, что включение стран в орбиту мировых церковных центров являлось мощным средством осуществления внешнего влияния на них. Русь осуществляла свой поворот к христианству, будучи независимой державой, и стояла суперсложная политическая задача сохранить собственную независимость. Политический выбор осуществлялся без миссионерства и других форм религиозной экспансии извне. Креститель Руси в тех условиях ориентировался на кирилло-мефодиевскую традицию, одинаково открытую как Риму, так и Константинополю. Митрополия на Руси появляется только в 1037 г. при Ярославе Мудром, затем передается в управление автокефальному митрополиту, а окончательно греческая иерархия утверждается только после смерти этого князя в 1054 г. Как следствие, в трансляции христианства в начальные десятилетия после Крещения преобладает ориентация на христианскую классику в обход современных греческих авторов.

Уже первые плоды христианского просвещения были обращены на дело укрепления государства. Идеология независимости от единой Византии сформулирована Иларионом в «Слове о Законе и Благодати». Мыслитель в жанровую форму «Слова» воплотил государственную программу, нацеливавшую приобщенную к христианству Русь на великие свершения, при этом не отрекаясь от славных дел предшествующих языческих властителей страны. Образно-поэтическими средствами Иларион характеризует суть движения мировой истории, в ходе которого каждый народ в свое время из состояния мрака, суши и лести (состояния исторического небытия) приходит к благодатному оживляющему свету веры (выходит на арену мировой истории в общем ряду с другими христианскими народами). К вселенской истории в результате крещения страны приобщается и Русь, пройдя этот путь от идольского мрака к истине, из состояния рабства к состоянию свободы. Согласно «Слову», у Византии нет прав превосходства над поздно приобщившимися к христианству варварами. Русь, как и другие молодые народы, обладает правом «быть новыми мехами для старого вина» и быть равноправной Византии, которая претендовала на исключительное положение в христианском мире и стремилась использовать христианизацию варваров для расширения своей гегемонии. Базовый принцип равенства народов-единоверцев сформулирован Иларионом средствами знаково-аллегорического подбора цитат Св. Писания и символической образности. В довершение Иларион утверждает, что Владимир крестил страну и народ осознанно, опираясь на свой «смысленный разум»,

подчеркивая тем самым разумность шага, тогда как обычно в христианской литературе мысль о необходимости крещения внушается свыше. «Слово о Законе и Благодати» – блестящий манифест эпохи древнерусской автокефалии и образец политико-полюемической рациональности.

Образцами рационализированных религиозно-политических программ можно назвать т. н. «концепцию малых дел» Владимира Мономаха и нравственное поучение Луки Жидяты, трансформированное в политический манифест единой государственной власти Ярослава Мудрого. Цель проповеди – смирение новгородской знати перед волей великого князя [4]. «Почтение» Мономаха – это его политическое завещание, разработанный им в назидание наследников кодекс идеального поведения представителя власти христианского государства. Законность князь-мыслитель отождествлял со справедливостью, ибо предполагалась одинаковая ответственность «малых» и «больших» людей за поступки. По сути, это означало равноправие всех перед законом. Князь формулировал минимум нравственных правил, которые необходимо исполнять, чтобы заслужить спасение после смерти. К их числу он относил милостыню, покаяние, молитву по силе, сострадание и попечение о слабых. Эти «малые дела» вполне посильны для людей состоятельных и облеченных властью. Религиозно-нравственные наставления тесно переплетены с хозяйственными и бытовыми рекомендациями, в которых моральным требованиям придавалось социально-политическое значение. Все программные положения основаны на трезвой оценке ситуации в обществе. Это обобщение опыта княжеской практики – редчайший случай выдвижения требований к власти со стороны самой власти.

В XVI в. Максим Грек пытался внушить Иоанну Грозному необходимость гармонизации отношений царя с подданными, выстраивать личностный подход на разумной и высоко нравственной основе. Источником государственного блага он считал добродетельность власти, которая должна опираться на мудрых советников. По сути, он был сторонником ограничения монархии. До этого времени рациональный выбор стратегий политических практик облакался в религиозную форму.

Другой мыслитель времен Ивана Грозного – Иван Пересветов – разработал сугубо рациональный проект обустройства общества на основе социально-политических преобразований в стране, исключив из него всякую религиозную подоплеку. Правду (законность и справедливость) он ставил выше веры. На сравнительных примерах исторического опыта других стран он доказывал необходимость укротить произвол вельмож, от которых царство оскудевает. Мыслитель выступал против холопства как вредного для Руси явления, ибо несвобода убивает храбрость, а холопы не могут бороться за свою страну. Предлагал конкретные усовершенствования военной техники. Идеи Пересветова базировались на рациональном

принципе государственной целесообразности общественного блага. В качестве программы преобразований они были предложены царю в форме челобитных.

Другие проекты обустройства общества в той или иной степени секулярны. В них ставилась проблема наилучшей формы правления, которая решалась со значительным сдвигом в переориентации общества с небесного на земное. Ермолай Еразм считал идеалом общество равных, что выходит за рамки средневекового иерархизма. Труд он назвал основой благосостояния и с этих позиций обличал праздность и богатство. Федор Карпов исходил из того, что власть имеет обязанности перед своими подданными.

В отличие от перечисленных здесь социально-политических проектов XI–XVI вв., в которых рациональные принципы и приемы политического действия либо преобладали над религиозными установками, либо вообще отрывались от них, концепцию «Москва – третий Рим» никак нельзя отнести к числу теолого-рациональных проектов. Филофей рассуждал исключительно в рамках отвлеченных религиозных понятий. Эта красивая теория была реакцией на распространявшееся латинское (римское) влияние на Русь. Она основана исключительно на иррациональных принципах провиденциализма, Божьего суда и теократии и в реальной политике русского государства реализована быть не могла.

Разумность слова. Переводческая деятельность. Осуществляемая в процессе освоения христианского наследия переводческая деятельность имела своим следствием трансформацию архаических форм языка, и в этих языковых новациях заключалось одно из ведущих гуманитарных направлений рациональной деятельности. В период с XI по XVII в. русский язык претерпевал трансформации за счет обогащения отвлеченной лексикой. Изначально древнерусский язык – это язык чувственно-образный, конкретный. Безымянные переводчики христианской литературы вырабатывали высокую лексику на основе новых абстрактных способов мышления. К XVIII в. – времени, когда Россия стала активно осваивать интеллектуальные достижения западноевропейской рациональности, уже сложилась логическая организация языка по типу основных форм мышления – понятий, суждений, умозаключений. Древнерусские книжники осуществляли переводы с греческого, реже с еврейского. Отвлеченные понятия формировались главным образом путем придания новых смыслов уже имевшимся словам. Грецизированные кальки на общем фоне составляли только часть новой лексики. Основные лексические новации – результат кропотливого интеллектуального творчества славяноязычных переводчиков.

Вплоть до XV в. в древнерусском языке преобладали чувственные, конкретные образы. Первоначально репрезентацией отвлеченных смыс-

лов служили вещи и действия с ними (например, *чаша* как символ судьбы). В ходе освоения метафизического христианского миропонимания «вещный символизм» стал способом соединения вещного с трансцендентным. Славянские образы под влиянием христианских символов обогащались новыми смыслами. Так, славянский корень *крьс-* употреблялся в словах, обозначавших ритуальный огонь в ночь на летний солнцеворот. Произошло наложение смыслов с *крестом*, производным от славянизированного имени Христа. Языческие образы возрождения жизни в огненном пламени весеннего равноденствия соединились с символическими представлениями о Распятом на Кресте и Его Воскресении (*вос-крес-ение* при славянском корне *крьс-*) [7, с. 275]. Постепенно в недрах символического восприятия созревали предпосылки рационально-логического выражения смыслов. Новая лексика несет на себе печать перехода от «вещей-символов» к абстрактным «словам-символам», и к XVIII в. символические образы создают основу для генезиса отвлеченных понятий [Там же, с. 275]. Философские понятия с приставкой «с- (со-)» – *сознание, совесть, совершенствование, смысл, созерцание* – имеют символическое происхождение. «То, что было достигнуто на уровне философской рефлексии, только со временем входило в обычную речь» [Там же, с. 282].

Формирование философской лексики первоначально воплощало смыслы религиозной картины мира, дуалистически противопоставлявшей мир земной и мир небесный, ноуменальный. В дохристианский период всё, что имело отношение к номинации живого организма, выражалось словами с корневой основой на «жи-»: *жито* (хлеб), *жила* (вена), *жирь* (пища), *жилье* (место проживания), *животь* (существование человека), *житие* = *житье*, *животина* = *животное*. Только в христианской славянской письменности с XI в. появляется слово *жизнь* как отвлеченное понятие жизни вечной, божественной, духовной.

В глубокой архаике понимали скорее действие, чем слово, причем символические действия осуществлялись телесными способами. Отражением этого мировосприятия было преобладание в языке глаголов, из которых в последующем могли быть образованы существительные отвлеченного содержания. Например, славянское слово *понятие* буквально означает «схваченное», «настигнутое», неся на себе оттенки физического действия. Как отвлеченный термин, «понятие» завершает свое развитие в XVIII в., приобретая современные значения понимания и способности познания [Там же, с. 120–121].

Конкретно-чувственное мышление сказывалось на процедуре теоретического характера – обобщении. Широко использовался прием экземплификации прообраза (прототипа) в конкретном контексте, что предполагало обогащение прототипа новыми свойствами. Художественные приемы

аллегорий, метафор, аналогий использовались для демонстрации «скрытого» через «явное», «метафизического» через «данное в повседневном опыте». «Высокое» и «низкое» соединялись по линии родственных противоположностей. В текстах метафизического характера применяли «наглядные доказательства» – мысленные эксперименты.

Иррациональное откровение имело приоритет в постижении сути вещей, что отражалось в языке. Глагол «знать» относился к непосредственному восприятию истины в откровении («душезрительное зеркало»), тогда как «познать» – к добытому умом с помощью рассуждения. В предельных выражениях абстрактное и конкретное приобретают общие черты. Так, предельный род или «роднейший род», всепорождающее «начало начал» – Бог, поклонение Ему – это поклонение Роду Родов, создавшему человека по Своему образу и подобию. Наивысший вид или отдельный экземпляр, конкретное существо или вещь – это *индивид* [7, с. 284]. Когнитивная логика проста: непосредственное видно и так, его познавать («думанием») не нужно. И предельную отвлеченность – Бога, и предельную конкретность – человека «видно», но божественное постигается через имена (идеально), а человеческое – через зримые данности (конкретно, реально).

Рациональность духовных действий. Внутренний человек. Ориентация на решение материальных проблем автоматизацией и роботизацией, жаркие дискуссии по проблемам искусственного интеллекта обострили внимание на проблемах естественного интеллекта и, более кардинально, на природе человека и перспективах эволюции его разума. С другой стороны, выход на цивилизационную арену стран Востока и Юга привел к активному обсуждению достижений восточной эмпирической метафизики, для которой не внешний, природный мир, а внутренний мир человека был главной заботой. Учения о сознании и потенциальных возможностях разума в восточных философиях складывались в практиках йоги, медитации, духовного делания. В этом контексте по-новому видится и отечественный опыт духовного действия, направленного на преобразование внутреннего человека. На рубеже XIX–XX вв. появляется учение, которое вошло в мировую мысль как русский космизм (в философии, литературе, науке, искусстве). Но русский космизм укоренен в древнерусском космизме в самых различных направлениях – от научно-рационального до религиозно-практического. Стоит посмотреть на духовные практики, например, в монастырях, как на лаборатории разума, в которых осознание духовного опыта происходило доступным для человека способом – через мудрое слово.

Остановимся подробнее лишь на одной проблеме. Техническое средство коммуникаций – Интернет – ставит вопрос о пространственной природе мысли. По существу, человек привносит свой личный мир в соци-

альный мир сетей (технически поддерживаемую ноосферу), в котором рожденная мысль спонтанно саморазвивается в играх социального разума. Идея саморазвивающейся пространственной мысли проходит по мировым духовным учениям, своеобразно претворяясь и на русской почве [1]. В «Палее Толковой» получило отражение созвучное архаике представление о Вселенной как некоем подобии (в образно-символическом смысле) живого существа, в котором действуют разумные силы. Космическое пространство в палейной модели мироздания разделено на землю, небо воздушное, небо звездное и «небо небес». Согласно ортодоксальной точке зрения, природные стихии неба воздушного и звездные течения неба звездного управляются ангелами, а на «небе небес» Сам Господь являет Свою силу ангелам и святым. Как же возможна коммуникация между видимыми и невидимыми сферами? С помощью мысли! – отвечает автор-составитель Палеи.

В иерархии земного и небесного миров мысль имеет разные качества. В ангельских сферах понимают смысл слов безмолвно [9, с. 13], т. е. предельно с семиотической точки зрения. Причем для ноуменальных существ мысль есть слово как синтез смысла и действия. В древнерусском понимании слово-действие передается через выражение «сила слова», а смысл имел символическое значение с оттенком коммуникации как «со-мыслие». Человек, согласно Палее, способен общаться с высшими сферами пространства, порождая мысль и отпуская ее в невидимые земными очами высоты (способом представления). Во внутренних пространствах мысль беседует с духовными существами, обогащается новыми смыслами, возвращается к породившему ее человеку [Там же, с. 127–128]. Сначала мысль долетает до «адовых укрьвищ» и, отягощенная увиденным, возвращается к человеку. Затем мысль отлетает к ангелам и беседует с ними. Восприимчивая, скажем на современном языке, когнитивная система человека – сердце, мозг и ум – может получить совет высших сил.

В духовной антропологии поверхностное логическое типизирование (телесный ум) и более глубинное предметно-смысловое конструирование (образное мышление) дополняются глубинным пограничным слоем, который можно назвать состоянием. Мысль (как и в учении веданты) на глубинном уровне – безобъектна. О необходимости задействования всех уровней психики, «молиться и духом, и умом» лаконично выразился апостол Павел (1 Кор. 14:15). Опыт подвижников благочестия составил основу учений о тонких различениях телесных и духовных способностей души (синергичная антропология).

Если сравнить научно-рациональное и духовное понимание динамики сознательного и бессознательного, то можно усмотреть существенную разницу. На научно-рациональном языке мысль может порождаться осоз-

нанно, но затем уходит в бессознательное, где продолжает жить на уровне мозговых процессов, затем вновь осознается во внутреннем диалоге. В духовной антропологии мысль коммуницирует с окружающими людьми и с духовными существами. Согласно палейному книжнику (и святоотеческой традиции), именно нравственная чистота придает мысли силу, позволяет достигнуть высших сфер и получить совет, да и восприятие совета возможно лишь при «чистом сердце и уме». Отсюда делаются практические выводы – необходимо учиться контролировать чувства и ум на уровне помыслов, поскольку человек несет ответственность за порождаемые мысли перед духовной ноосферой.

Переключки с современностью очевидны. Проектная деятельность в планетарном масштабе ставит вопрос об ответственности уже не столько за действия, сколько за интуицию (порождение замысла). Цифровые технологии усиливают тенденции виртуальной объективации мысли, доведение ее до кристаллизации на уровне программ и технологий, до воплощения в вещах. Проблемы цифровой эпохи и цифрового сознания заставляют задуматься о сути человеческого разума и рациональности, что без учета опыта традиции понимания основ жизни бесплодно. Сам ход научно-технического развития делает актуальными проблемы сознания и потенциальных возможностей внутренней природы человека, становления новых форм разума в когнитивной эволюции.

Литература

1. Герасимова И.А. О природе мысли. По материалам древнерусской книжности // *Философские науки*. – 2017. – № 10. – С. 39–54.
2. Герасимова И.А., Мильков В.В., Симонов Р.А. Сокровенные знания Древней Руси. – М.: Кнорус, 2015. – 680 с.
3. Фромов М.Н. Образы философов Древней Руси. – М.: ИФ РАН, 2010. – 190 с.
4. Дергачева И.В., Мильков В.В., Милькова С.В. Лука Жидята: святитель, писатель, мыслитель. – М.: Мир философии, 2016. – 416 с.
5. Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI века. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – 573 с.
6. Кирик Новгородец и древнерусская культура: в 3 ч. / отв. ред. В.В. Мильков. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого. – 2012–2014. – 3 ч.
7. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. В 5 кн. Кн. 4. Мудрость слова. – СПб.: Нестор-История, 2011. – 480 с.
8. Мильков В.В., Симонов Р.А. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель. – М.: Кругъ, 2011. – 544 с.
9. Палея Толковая / пер. А.М. Камчатнова. – М.: Согласие, 2012. – 652 с.
10. Порус В.Н. Рациональность // *Энциклопедия эпистемологии и философии науки*. – М.: Канон+, 2009. – С. 807–809.

11. Райнов Т. Наука в России XI–XVII веков: очерки по истории донаучных и естественно-научных воззрений на природу. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – 515 с.
12. Симонов Р.А. Кирик Новгородец как представитель раннего Возрождения (XII век) // Вопросы истории естествознания и техники. – 2016. – Т. 37, № 4. – С. 633–667.
13. Симонов Р.А., Стяжкин Н.П. Историко-логический обзор древнерусских текстов «Книга, глаголемая логика» и «Логика Авиасафа» // Философские науки. – 1977. – № 5. – С. 132–143.
14. Славова Т.К. Календарни текстове в България през ранното средновековие. Палейният календар и Учение им же ведати човеку числа всех лет приписвано на Кирик Новгородец // *Slavia: Časopis pro slovanskou filologii*. – 2000. – Roč. 69, N 3. – S. 269–288.
15. Стратеман В. Феатрон, или Позор исторический / пер. с лат. Г. Бужинского. – СПб.: Тип. Троицкого Александро-Невского монастыря, 1720. – 449 с.
16. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1 / изд. подгот. А.В. Лебедев. – М.: Наука, 1989. – 576 с.
17. Des hl. Johannes von Damaskus Ἐκθεσις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως in der Übersetzung des Exarchen Johannes. Bd. 1 / ed.: R. Aitzetmüller, J. Matl, L. Sadnik. – Wiesbaden: Harrassowitz, 1967. – 322 p. – (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes; T. 5).
18. Des hl. Johannes von Damaskus Ἐκθεσις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως in der Übersetzung des Exarchen Johannes. Bd. 2 / ed.: R. Aitzetmüller, L. Sadnik, E. Weiher. Freiburg: Weiher, 1981. – 412 S. – (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes; T. 14).
19. *Figurovskii N.A.* The alchemist and phisician Arthuir Dee // *Ambix*. – 1965. – Vol. 13. – P. 35–51.
20. *Kavryrbine M.* Le traité de Kirik sur la chronologie: Novgorod, XIIe siècle // *Revue des Études Slaves*. – 1995. – T. 67, fasc. 2–3. – P. 265–286.
21. *Logica et philosophia Algazelis Arabic*. – Venetiis: Liechtensteyn, 1506.
22. *Newton-Smith W.H.* The rationality of science. – Boston: Routledge & Kegan Paul, 1981. – 294 p.
23. *Ryan W.F.* Astronomy in church slavonic: linguistic aspects of cultural transmission // *The Formation of the Slavonic Literary Languages*. – Columbus, 1985. – P. 53–60.
24. *Ryan W.F.* Science in Medieval Russia: some reflections on a recent book // *History of Science*. – 1966. – Vol. 5. – P. 52–61.
25. *Ryan W.F.* The witchcraft hysteria in early modern Europe: was Russia an exception? // *The Slavonic and East European Review*. – 1998. – Vol. 70, N 1. – P. 1–36.
26. *Salman D.* Algasel et les latins // *Archives d'histoire doctrinale et littéraire du Moyen age*. – 1935–1936. – P. 103–127.

27. *Steinschneider M.* Al-Farabi (Alpharabius) des arabischen Philosophen Leben und Schriften mit besonderer Rücksicht auf die Geschichte der griechischen Wissenschaft unter den Arabern. – St. Pétersbourg, 1869. – 268 p. – (Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St. Pétersbourg. 7e série; t. 13, N 4).

28. *Steinschneider M.* Die hebräischen Übersetzungen des Mittelalters und die Juden als Dolmetscher. – Berlin: Kommissionverlag des Bibliographischen bureaux, 1893. – 1117 s.

29. *Weiber H.* Die Dialektik des Johannes von Damaskus in kirchenslavischer Übersetzung. – Wiesbaden: Harrassowitz, 1969. – 312 p. – (Monumenta linguae Slavae dialecti veteris; T. 8).

Статья поступила в редакцию 20.05.2018 г.

Статья прошла рецензирование 06.07.2018 г.

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-4.2-94-115

RATIONALITY IN ANCIENT RUSSIAN CULTURE

Gerasimova Irina,

*Dr of Sc. (Philosophy), Professor,
Main Researcher, Institute of Philosophy RAS,
12, bld.1, Goncharnaya St., Moscow, 09240, Russian Federation*
ORCID: 0000-0003-4656-3100
home_gera@mail.ru

Milkov Vladimir,

*Dr of Sc. (Philosophy),
Leading Researcher, Institute of Philosophy RAS,
12, bld.1, Goncharnaya St., Moscow, 09240, Russian Federation.*
ORCID: 0000-0001-7383-4447
dr_milkov@mail.ru

Abstract

Enlightenment philosophers treated XI–XVII centuries of Russian philosophy with a bit of scepticism. According to the canons of the European history of thought, Russian philosophy's early period does not deserve to enjoy scientific status. Although this point of view has its followers, careful examination of textual sources and artefacts has proven it wrong. The following article analyzes ancient Russia's intellectual history within the framework of evolutionary rationality theory. The systemic design of the article integrates the achievements of archeology, history, philology, philosophy and history of science. It is everyday life that pushed forward scientific progress in Russia. The calculation of paschal cycles stimulated astronomy and mathematics. The XII-th century witnessed creative efforts of Kirik the Novgorodian, a distinguished mathematician. Computational texts' complexity provides bright evidence of high level research conducted in the competitive atmosphere. Translated texts of Saint John of Damascus, Andrey Kurbsky, Al-Ghazali and Maimonides made a contribution to logical studies. Ancient Russian thinkers used these works as a starting point to shed light on both religious and secular issues. The understanding of medicine as a kind of sacred knowledge made it a birthplace of innovation. There were several medical schools categorized by the way they addressed the body-soul dichotomy: teotherapy (spiritual guidance), non-traditional medicine (naturopathy and psychotherapy), nature-aligned medicine (Hippocratic tradition). "Galenovo on Hippocrates" is a colourful example of an ancient Russian text based on antropo-cosmic correspondence and qualitative nature of time. Christianization raises the question of ancient Russian political rationalism. The incorporation of translated Christian literature into the history of Russian thought prepared fertile soil for the development of abstract logic. The study of self-developing spatial thought in "Paleya Tolkovaya" shares its conceptual hallmarks with today's information and communication theories. Spiritual significance of the early textual heritage increases along with the rising popularity of cognitive practices.

Keywords: rationality, Ancient Russia, chronology, logic, nature, politics, ethics, translation, human nature.

Bibliographic description for citation:

Gerasimova I., Milkov V. Rationality in Ancient Russian culture. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2018, no. 4, vol. 2, pp. 94–115. doi: 10.17212/2075-0862-2018-4.2-94-115.

References

1. Gerasimova I.A. O prirode mysli. Po materialam drevnerusskoi knizhnosti [On the nature of thought on the basis of ancient Russian literature]. *Filosofskie nauki – Russian Journal of Philosophical Sciences*, 2017, no. 10, pp. 39–54.
2. Gerasimova I.A., Milkov V.V., Simonov R.A. *Sokrovennye znaniya Drevnei Rusi* [The secret knowledge of Ancient Russia]. Moscow, Knorus Publ., 2015. 680 p. (In Russian).
3. Gromov M.N. *Obrazy filosofov Drevnei Rusi* [Images of philosophers of Ancient Russia]. Moscow, IF RAN Publ., 2010. 190 p. (In Russian).
4. Dergacheva I.V., Milkov V.V., Milkova .V. *Luka Zhidyata: svyatitel', pisatel', myslitel'* [Luka Zhidyata: prelate, writer, thinker]. Moscow, Mir filosofii Publ., 2016. 416 p.
5. Kazakova N.A., Lur'e Ya.S. *Antifeodal'nye ereticheskie dvizheniya na Rusi XIV – nachala XVI veka* [Antifeudal heretical movements in Russia XIV – early XVI century]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1955. 573 p.
6. Milkov V.V., ed. *Kirik Novgorodets i drevnerusskaya kul'tura*. V 3 ch. [Kirik Novgorodets as and the ancient Russian culture. In 3 pt.]. Velikii Novgorod, Novgorod State University named after Yaroslav the Wise Publ., 2012–2014. 3 pt. (In Russian).
7. Kolesov V.V. *Drevnyaya Rus': nasledie v slove*. V 5 kn. Kn. 4. *Mudrost' slova* [Ancient Russia: a legacy in the word. In 5 bk. Bk. 4. Wisdom of the word]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2011. 480 p.
8. Milkov V.V., Simonov R.A. *Kirik Novgorodets: uchenyi i myslitel'* [Kirik Novgorodets as: a scientist and thinker]. Moscow, Krug Publ., 2011. 544 p.
9. Kamchatnov A.M., ed. *Paleyа Tolkovaya* [The Explanatory Palea]. Moscow, Soglasie Publ., 2012. 652 p.
10. Porus V.N. Ratsional'nost' [Rationality]. *Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki* [Encyclopedia of epistemology and philosophy of science]. Moscow, Kanon+ Publ., 2009, pp. 807–809.
11. Rainov T. *Nauka v Rossii XI–XVII vekov: ocherki po istorii donauchnykh i estestvennonauchnykh vozrenii na prirodu* [Science in Russia XI–XVII centuries: essays on the history of pre-scientific and natural science views on nature]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1940. 515 p.
12. Simonov R.A. Kirik Novgorodets kak predstavitel' rannego Vozrozhdeniya (XII vek) [Kirik Novgorodets as a representative of the early Renaissance (12th century)]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki – Studies in History of Science and Technology*, 2016, vol. 37, no. 4, pp. 633–667.
13. Simonov R.A., Styazhkin N.I. Istoriko-logicheskii obzor drevnerusskikh tekstov “Kniga glagolemaya logika” i “Logika Aviasafa” [Historical and logical review of Old Russian texts “The book of verbal logic” and “The logic of Aviasaf”]. *Filosofskie nauki – Russian Journal of Philosophical Sciences*, 1977, no. 5, pp. 132–143.

14. Slavova T.K. Kalendarni tekstove v B'lgariya prez rannoto srednovekovie. Paleiniyat kalendar i Uchenie im zhe vedati cheloveku chisla vsekh let pripisvano na Kirik Novgorodets. *Slavia: Časopis pro slovanskou filologii*, 2000, roč. 69, no. 3, pp. 269–288.
15. Stratemann W. *Featron, ili Pozor istoricheski* [Phaethron, or the Shame historical]. Translated from Latin by G. Buzhinskii. St. Petersburg, Troitskii Alexander Nevsky Monastery Publ., 1720. 449 p. (In Russian).
16. Lebedev A.V., comp. *Fragments rannikh grecheskikh filosofov*. Ch. 1 [Fragments of the early Greek philosophers. Pt. 1]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 576 p.
17. Aitzetmüller R., Matl J., Sadnik L., eds. *Des hl. Johannes von Damaskus Ἐκθεσις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως in der Übersetzung des Exarchen Johannes*. Bd. 1. Wiesbaden, Harrassowitz, 1967. 322 p. *Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes*, vol. 5.
18. Aitzetmüller R., Sadnik L., Weiher E., eds. *Des hl. Johannes von Damaskus Ἐκθεσις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως in der Übersetzung des Exarchen Johannes*. Bd. 2. Freiburg, Weiher, 1981. 412 p. *Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes*, vol. 14.
19. Figurovskii N.A. The alchemist and phisician Arthuir Dee. *Ambix*, 1965, vol. 13, pp. 35–51.
20. Kavryrchine M. Le traité de Kirik sur la chronologie: Novgorod, XIIe siècle. *Revue des Études Slaves*, 1995, vol. 67, fasc. 2–3, pp. 265–286.
21. *Logica et philosophia Algazelis Arabic*. Venetiis, Liechtensteyn, 1506.
22. Newton-Smith W.H. *The rationality of science*. Boston, Routledge & Kegan Paul, 1981. 294 p.
23. Ryan W.F. Astronomy in church slavonic: linguistic aspects of cultural transmission. *The Formation of the Slavonic Literary Languages*. Columbus, 1985, pp. 53–60.
24. Ryan W.F. Science in Medieval Russia: Science in Medieval Russia: some reflections on a recent book. *History of Science*, 1966, vol. 5, pp. 52–61.
25. Ryan W.F. The witchcraft hysteria in early modern Europe: was Russia an exception? *The Slavonic and East European Review*, 1998, vol. 70, no. 1, pp. 1–36.
26. Salman D. Algasel et les latins. *Archives d'histoire doctrinale et littéraire du Moyen age*, 1935–1936, pp. 103–127.
27. Steinschneider M. *Al-Farabi (Alpharabius) des arabischen Philosophen Leben und Schriften mit besonderer Rücksicht auf die Geschichte der griechischen Wissenschaft unter den Arabern*. St. Pétersbourg, 1869. 268 p. *Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St. Pétersbourg*, 7e série, t. 13, no. 4.
28. Steinschneider M. *Die hebräischen Übersetzungen des Mittelalters und die Juden als Dolmetscher*. Berlin, Kommissionverlag des Bibliographischen bureaux, 1893. 1117 p.
29. Weiher H. *Die Dialektik des Johannes von Damaskus in kirchenslavischer Übersetzung*. Wiesbaden, Harrassowitz, 1969. 312 p. *Monumenta linguae Slavicae dialecti veteris*, vol. 8.

The article was received on 20.05.2018.

The article was reviewed on 06.07.2018.